

— За счёт заведения, — хозяин выставил две рюмки. — Угощаю, в нашем заведении редкость, когда гости заглядывают.

— Спасибо.

— Народу тут мало, скоро всю эту улицу под снос пустят, — хозяин тяжело вздохнул и махнул рукой. — Делать нечего, на следующей неделе закрываюсь.

— Действительно малоллюдно, полгорода обошёл — ни души... — Юй Чжо бросил взгляд на противоположный конец бара.

Хозяин последовал его взгляду. Там на небольшом возвышении стояло пианино, но, похоже, на нём давно никто не играл — оно покрылось толстым слоем пыли.

— О, парень, ты музыкант? По виду сразу видно. Ну, — хозяин ткнул пальцем в ту сторону, — там пианино, можете поиграть, если хотите.

Юй Чжо снова поблагодарил, придвинул к себе обе подаренные рюмки, а затем указал на Хэ Линя:

— Сделайте для него что-нибудь послаще.

И не удержался от комментария:

— Вкусы как у ребёнка.

— Это можно было не говорить, — прозвучал рядом спокойный и холодный голос Хэ Линя.

Хозяин приготовил напиток и снова устроился за стойкой, а они взяли свои бокалы и уселись в углу.

— Ну, рассказывай, — Юй Чжо неосознанно постукивал пальцами по стенке бокала, спрашивая в шутливом тоне, — от какой печали ты пытаешься запить?

— Юй Чжо, — Хэ Линь назвал его по имени, и по выражению его лица было невозможно понять, сердится он или нет, — ты всегда так заботишься о бывших?

Бывшие.

После расставания они редко выносили эти отношения на открытое обсуждение.

На столе лёд, нарезанный круглыми кубиками в бокале, тихо постукивал о стенки, каждый всплывающий пузырёк уносил вверх целую вереницу мелких пузырьков.

Спустя долгое время Юй Чжо лениво выпрямился чуть больше и выдал три слова:

— Конечно нет.

На самом деле Юй Чжо терпеть не мог хлопот и никогда не имел привычки запутываться с бывшими парнями. Хэ Линь был исключением. Казалось, совсем порвать не так-то просто, их связывали тысячи нитей, мешавших каждому идти своей дорогой. Чтобы разорвать окончательно, разве что Юй Чжо мог бы укатить из Яньчэна.

Юй Чжо придвинулся ближе, подперев голову рукой, почти лёжа на столе, глядя в лицо Хэ

Линя, произнёс слово за словом:

— Я никогда не забочусь о бывших.

Хэ Линь неожиданно приблизился, его глаза слегка прищурились.

Юй Чжо едва заметно вздрогнул.

При плавании по бескрайнему морю айсберги всегда были самыми опасными: видимая одна седьмая уже внушала благоговейный страх, а оставшиеся шесть седьмых таились под спокойной поверхностью воды. Одним словом — с ним лучше не связываться.

Конечно, Юй Чжо как раз любил рассекать на скоростном катере по самой поверхности, выбирая самый рискованный путь.

Поэтому он ни капли не отступил.

Юй Чжо беспечно продолжил:

— Я просто забочусь о наставнике.

Наставник.

Не бывший.

Хэ Линь приблизился так близко, словно в любой момент готов был поцеловать, однако его пальцы лишь скользнули по красной родинке возле уха Юй Чжо, а голос прозвучал холодно:

— Ты перешёл границу.

Юй Чжо безразлично усмехнулся, откинулся назад, восстанавливая безопасную дистанцию.

Через некоторое время Хэ Линь вдруг сказал:

— Не от печали.

На секунду опешив, Юй Чжо понял, что тот отвечает на вопрос «от какой печали пытаешься запить».

— Просто вдруг захотелось выпить.

— А, понятно.

Первое правило общения взрослых людей — уметь считывать настроение, и оба по взаимному молчаливому согласию избежали щекотливой темы о «бывших», возобновив разговор.

— На выступлении мы хотим добавить фортепианную композицию, — поинтересовался Юй Чжо. — Какая больше подойдёт?

Они подошли к пианино, хозяин ранее разрешил им играть.

— Хозяин, включите «Признание»? — попросил Юй Чжо. — Хотя бы минус.

В конце концов, в зале всего двое гостей, даже если бы они захотели включить «Самый модный народный хит» от «Феникс-Легенд», хозяин бы не отказал. Тот охотно нашёл минусовку

«Признания» и нажал воспроизведение.

Пальцы Хэ Линя скользнули по чёрно-белым клавишам, и почему-то в голове всплыла картина, как на них играет Юй Чжо. Под самый конец композиции его указательный и средний пальцы легко ударили по двум клавишам четыре раза, и чистый звонкий звук пианино с затянувшимся послезвучием выпорхнул наружу.

3, 2, 3, 2.

Всего четыре ноты, но Юй Чжо, кажется, уловил их смысл, снова нажал только что затронутые Хэ Линем клавиши и продолжил эти четыре ноты.

323237216...

Подхватив финал «Признания», вращающаяся мелодия полилась из скачущих вверх-вниз клавиш, лёгкий ритм был подобен интимному шёпоту, словно снова и снова повторяющему имя возлюбленной.

— Это была «К Элизе», композиция, которую Бетховен написал для своей тайно любимой ученицы. В первых четырёх нотах было две двойки, обе повышенные, что эквивалентно пониженной тройке, а пониженная тройка по-немецки записывается как «Es». То есть каждый раз, когда звучало «323237216», казалось, будто повторяют «Elise».

Подобно завуалированному и многократно переданному признанию.

* * *

— Старший, ты вчера вернулся очень поздно?

— Да, немного задержался.

Вчера Хэ Линь, наверное, часа в три вызвал водителя, чтобы отвезти его обратно, сам Хэ Линь, должно быть, добрался домой ещё позже.

Линь Вэйцзин внезапно проникся благоговением:

— Из-за выступления? Так усердствовать, вот это я понимаю, мой кумир.

Хуан Сяохуэй пробормотал:

— Почему мне кажется, будто я чувствую лёгкий запах алкоголя...

Он думал, что говорит тихо, и никто не услышит, но Линь Вэйцзин уловил каждое слово, обхватил шею Хуан Сяохуэя:

— Парень, ты что, выпить захотел? Не вздумай подставлять моего кумира. Он в прошлый раз из-за нас три дня уборные отмывал, забыл?

— Виноват, виноват, — Хуан Сяохуэй вжал голову в плечи, высвобождаясь из захвата Линь Вэйцина, — это мне показалось.

В восемь часов они вовремя собрались в репетиционном зале.

— Насчёт фортепиано, вчера я кое-что обдумал, — Юй Чжо поделился вчерашним озарением.

— Используем «К Элизе» в конце.

Юй Чжо проиграл «Признание», а в конце заиграл «К Элизе».

— Ничего себе, это же гениально!

— Кумир, ты целый вечер над этим думал? Потрясающе!

— И «К Элизе» совсем несложная!

Сочетание «К Элизе» и «Признания» не только не казалось неуместным, но и звучало свежо и оригинально.

Разобравшись с музыкальной частью, очередь перешла к группе постановки танца.

Цзя Чжиян сказал:

— Я вчера посмотрел, танец в этот раз, наверное, будет не очень сложным, мы можем сделать что-то вроде сценки, так что главное...

Дойдя до половины фразы, Цзя Чжиян посмотрел на Чи Цзыхао и искренне спросил:

— Старший, не хочешь сыграть женскую роль? Потому что ты ничего не умеешь.

Первая часть фразы очень хотела заставить отказаться, вторая — не оставляла выбора.

Чи Цзыхао сквозь зубы выдавил несколько слов:

— Конечно, могу.

— Перевоплощение, — улыбнулся Чи Цзыхао, — тоже один из видов актёрской игры, я в этом силён.

Цзя Чжиян совершенно не почувствовал обиды Чи Цзыхао, наоборот, даже обрадовался:

— Правда? Тогда отлично.

— Тогда нам, наверное, ещё и мужскую роль нужно? Кто будет?

— Да кто угодно, — Хуан Сяохуэй вздохнул. — Эх, всё равно это не богиня Сыюань, так какая разница, кто будет.

Остальные единодушно согласились с его словами, попутно в речах похвалив Гуань Сыюань и выразив сожаление, что не попали с ней в одну команду.

Чи Цзыхао промолчал.

Он был уверен: если бы сейчас здесь сидела Гуань Сыюань, реакция этих людей была бы совершенно иной.

— Тогда пусть будет старший Юй Чжо, — с высокой эффективностью определил кандидата Цзя Чжиян. — Ваш статус более подходящий.

Остальные в один голос уставились на Цзя Чжияна, взгляды словно говорили: «... И так тоже можно?»

Цзя Чжиян спросил Юй Чжо и Чи Цзыхао:

— Старшие, как вы думаете?

В ответ один был безразличен, другой не смел возразить.

— Так и решено, — твёрдо заявил Цзя Чжиян.

После того как план задач постепенно прояснился, они приступили к целенаправленным репетициям.

Поняв концепцию этой команды, съёмочная группа любезно предоставила им парики, помаду, лак для ногтей... и юбки.

Чи Цзыхао, сжимая в руках мини-юбку смертельно-кукольного розового цвета, дёрнул её с весьма своеобразным выражением лица:

— Братан, нам что, так уж кардинально нужно?

<http://bllate.org/book/15300/1359395>